

Рус. диал. *дожить до тюки, дожить до тюпы*

1. В русских говорах имеется лексема *тюка* (*тук, тюки*), представленная в выражениях, обозначающих бедственное положение, плохое состояние дел, ср.: *доехать до тюки, дожить до тюки, дойти до тюки* 'обнищать, разориться'; *дожил до тюку, что ни хлеба, ни табаку; доносить до тюки* 'доносить до дыр', *нет ни тюка* 'о полном разорении', *тук на крюк нашел* 'то же' (арх., влг.); *тук* 'конец, смерть': *мы думали, пришел тук* (влг.); *тюка* 'крайность': *дожили до тюки, что ни хлеба, ни муки* (сибир.); *тюки* (нареч.) 'конец, нельзя, тупик': *дошёл до тюки, стал в тюки, дожили до тюки, что ни хлеба, ни муки* (без указ. геогр.) [Даль, 4, 481]. Выражения активно функционируют в севернорусских говорах.

В Архангельской области (Холмогорск. р-н) отмечены аналогичные конструкции для фонетически близкой лексемы *тюпа*, ср.: *дожить до тюпы* 'дойти до полной нищеты', *попасть в тюпу* 'попасть в беду'.

2. Этимологический анализ, проведенный отдельно для каждой из названных единиц, не дал надежных результатов. Вместе с тем материал позволил применить метод групповой реконструкции.

Как выяснилось, большое количество слов с начальным *тук-* и *тюп-* (а также с начальным *тук-* и *туп-*), функционирующих в севернорусских говорах, демонстрируют сходную семантику, в частности денотативное сходство, полное или частичное. Под частичным денотативным сходством понимается наличие у нетождественных денотатов общих признаков, которые – в силу своей частотности у рассматриваемой группы слов – могут претендовать на роль признаков, явившихся толчком для номинации.

Лексически маркированы, например, следующие семантические области:

– пучок, вязанка, охапка, ср.: 1) *тукач, тукача, тукачка, тукачина* и пр. 'большая охапка, связка чего-н. (сена, соломы, травы и пр.)', 'вязка льняного волокна', 'обитый, околоченный, нераспоясанный сноп' (арх., влг., карел., новг.); 2) *тюкачок* 'большая охапка, связка чего-н. (сена, соломы, травы)', *тюкачи* 'связки, пучки', *тюкачки* 'снопы или пучки соломы' (арх.); 3) *тупочка* 'охапка чего-л.' (карел.); 4) *тюпка, тупочка* 'охапка, связка льна', *тюпик* 'сноп льна' (влг.).

– сверток, узел; что-л. свернутое, завернутое; что-л. собранное; что-л. закрытое в свертке, ср.: 1) *тукач, тукачик, тукачок* 'сверток, узел', *тукач, тукачок* 'собранные в пучок, узел волосы', *тукач* 'закутанный человек' (арх., влг., карел.); 2) *тюкач, тюкачок* 'узел, сверток', 'котомка', *тюкли* 'чашелистики морошки' (арх., влг.); 3) *тупа* 'завязь морошки', *тупик* 'неспелая ягода морошки' (арх., карел.), *тупик* 'оборки на платье' (новг.); 4) *тюпик* 'завязь морошки' (карел.).

Неспелая ягода морошки завернута в чашелистики и может восприниматься исходя из этого признака. Оборка воспринимается как нечто собранное, свернутое. Такой тип восприятия реалий имеет целый ряд лингвистических подтверждений, в частности в прибалтийско-финских языках.

– что-либо округлое; такое, где длина и ширина соотносимы, ср.: 1) *тукач* ‘толстый человек; о большом, крупном ребенке’. *тукачок* ‘в сравн. о полном человеке’, *тукачий* ‘толстый’, *тукач* ‘облако’, *тукачок* ‘сосуд округлой формы’, ‘опухоль’ (влг., карел.); 2) *тюк* ‘подводный камень’, *тюкан* ‘редька или репа крупных размеров’ (арх.); 3) *тутики* ‘стул, чурбаны под избу’ (костр.); 4) *тюпак* ‘чурбан, чурка’, *тюпора* ‘толстая женщина’ (влг.);

– шапка снега, ср.: 1) *тукач* ‘ком снега’ (влг.); 2) *тюк*, *тюка*, *тюкач* ‘шапка снега на какой-либо поверхности’, *тюка* ‘висящий на сучьях снег, иней’, ‘снежный занос’, *тюки* ‘снег, опавший с деревьев’ (арх., влг., олон.); 3) –; 4) *тюпа* ‘шапка снега на какой-либо поверхности’ (арх.).

Статус рассмотренных закономерностей может быть различен: типологическое сходство в семантике разных корней, фонетическое варьирование в пределах одного корня и пр. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Для решения же поставленной задачи вполне достаточно факта наличия оговоренных закономерностей.

3. Для лексем указанных гнезд наиболее вероятным видится прибалтийско-финское происхождение. Рассмотрение прибалтийско-финских данных показало, что среди гнезд с инициалами *tuk-*, *tük-*, *tup-*, *tüp-* имеются такие, которые семантически хорошо соответствуют русским фактам. Семантика, зафиксированная в русском языке, обычно встречается не в одном, а в нескольких гнездах, связанных с той или иной инициальной, при этом финские этимологи в целом ряде случаев ставят вопрос о возможной соотносимости гнезд такого рода [SKES]. Но даже при отсутствии указания на возможность такого соотнесения следует констатировать наличие в прибалтийско-финских языках закономерностей, сходных с русскими.

В отличие от целого ряда других значений, семантику бедственного положения, плохого состояния дел – в значениях, наиболее близких русским данным, – реализует лишь одно из всех рассмотренных прибалтийско-финских гнезд, а именно гнездо фин. *tuppi* ‘ножны’, ср.: фин. *joutua tupelle*, *olla tupella* ‘быть в затруднительном положении, в нужде; попадать в затруднительное положение, нужду, кризис’, при фин. *tuppi* ‘чашечка, влагалище листа или бутона’, *tupella* ‘(о хлебе, колосе) о таком состоянии, когда обертка листа еще закрыта’, *tuppi* ‘узкая мережа’, карел.-лив. *tupihillo(i)* ‘завязь морошки’, *tuppez*, *tuppeh* ‘заложен, закупорен; закрыться; закупориться; закрыть, сделать закрытым’, *tuppevuo* ‘не удался, не иметь успеха, закончиться провалом, провалиться’, эст. *tupp*, *tupe* ‘ножны, футляр, обертка, оболочка’ [SKES, 1415].

С учетом этих данных, русские выражения с лексемами *тюка*, *тюпа*, обозначающие бедственное положение, могут интерпретироваться как имеющие прибалтийско-финские истоки.

4. Семантическая реконструкция как русских, так и прибалтийско-финских выражений позволяет предложить несколько версий, но наиболее предпочтительной кажется следующая: выражения базируются на представлениях о пребывании в сжатом, закрытом пространстве, о достижении некоего пространственного конца, предела. Ср., например, приведенное выше прибалтийско-финское гнездо, где ярко представлена семантика закрытого пространства. Показательны также следующие севернорусские факты, в которых можно усмотреть «отголоски» названных при-

знаков: *тюк* 'чулок', *тюпа* 'конец мотни невода; узкая центральная конусообразная часть невода; мошня, хвост бредня или невода', *тюпас* 'небольшая осиновая лодка-долбленка', *тюпа* 'повседневная обувь', *тюпы* 'валенки с обрезанными голенищами или без голенищ'; *тупой* 'удаленный от центра, глухой (о местности)', *тюпки* 'дальние деревни, захолустье', *тюпика* 'окраина деревни'; *тупяк*, *тупяк* 'кончик пальца'.

Ср. также *тюка* 'предел, конец': *Работы много у нас, тюки еще не видно; дойти до тюки* 'дойти до крайности, до завершения чего-л.': *При таком темпе никогда до тюки не дойдешь* (якут.); *тюкано дело* 'решенное дело, конец' (влг.).

5. В этом контексте могут интерпретироваться как заимствования рус. литер. *тупик* 'улица, не имеющая сквозного прохода, проезда; отсутствие сквозного прохода или продолжения чего-л., в чем-л.', которое на фоне гнезда *тупой* выглядит семантически изолированным образованием, а также рус. литер. *тупик* 'безвыходное положение', диал. *тупик* 'беда, несчастье'. Последнее (в отличие от *тюка*, *тюпа* 'нужда и пр.') соответствует приведенным в п. 3 прибалтийско-финским лексемам не только семантически, но и формально.

О. А. Могила
Киев (Украина)

О некоторых украинско-южнославянских параллелях

Украинские карпатские говоры – одни из наиболее архаичных в сфере лексики и семантики, сохраняющие как уникальные черты традиционной культуры, так и ряд соответствий в терминологии и обрядах. Интересными с лингвистической точки зрения являются дистантные украинско(карпатские)-южнославянские параллели, которые могут выступать как локальные соответствия, так и генетически родственные факты, сходные инновации. Начало весны на Балканах связано с легендой о «мартовской» старухе, инвариант сюжета которой, по наблюдениям Г. И. Кабаковой, известен практически всем средиземноморским народам, а также их соседям на Балканах [Кабакова, 1994, 209]. Подробный анализ структуры и географии этой легенды представлен в работах Г. И. Кабаковой, А. А. Плотниковой, Н. Г. Голант.

У гуцулов *баба Євдоха*, в отличие от балканского мифологического образа бабы Марты, является одной из наиболее пагубных фигур мифологии, третьей после *дiтька* и *утерiв* [Кайндль, 2000, 97–98]. Резкое похолодание в марте гуцулы объясняют легендой о бабе *Еудохе* (*Дук'ийе, Дот'е*), которая олицетворяет уходящую зиму, и считают, что *баба Євдоха* наводит на землю суровую *в'ихолу*, которая повторяется ежегодно в марте [Там же, 98]; ср. также гуц. *Одок'ийа гонит кози в бр'їст* (Розтоки, Ивано-Франк. обл.); *фил'ї йаўдока гонит*, и, согласно народному верованию, *вона майе вигнат' сорок фил' – то дошч, то сн'їз, то сонце* (Шепот, Черновиц. обл.).

В украинских буковинских селах существует также легенда о бабе Дукие, но, в отличие от гуцульских, *Дукия* выступает в ней как нейтральный персонаж: *баба*